

ЛЮБОВЬ В БОРЬБЕ СО ЗЛОМ

Со всех концов России продолжают приходить отзывы читателей на книгу Станислава Юрьевича Куняева “Любовь, исполненная зла...”, которая прежде публиковалась на страницах журнала “Наш современник” под названием “В борьбе неравной двух сердец”, посвящённую судьбам русских поэтов Серебряного века. Письма читателей говорят о том, что нравственно-этические вопросы в жизни и литературе, вопросы свободы творчества, ответственности творца за сказанное им слово — всё это не есть “звук пустой”, а является важной частью общечеловеческой культуры, касающейся всех и каждого.

“ТАЛАНТЛИВО, ГЛУБОКО И НЕОБХОДИМО...”

Очень растрогалась, получив в качестве незаслуженного подарка Вашу книгу “Любовь, исполненная зла”. Уверена, что это так же талантливо, глубоко и необходимо, как и Ваши прекрасные стихи и как Ваша замечательная книга о любимом Сергее Есенине. Кланяюсь Вам сердечно, благодарю, желаю долгих лет на радость всем читающим и тем, которые станут читающими благодаря Вашему таланту.

С любовью и уважением
Татьяна Васильевна Доронина,
Народная артистка СССР
г. Москва

“ОЧЕНЬ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИСЬ ВАШИМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ...”

Позвольте ещё раз поздравить Вас с юбилеем. Вы встретили его в хорошей форме — и физической, и творческой. Желаю Вам благополучия в жизни, желаю оставаться ещё многие годы таким же глубоким мыслителем.

Ваша книга “Любовь, исполненная зла...” на меня произвела большое впечатление. Ибо то, о чём я думал, имея обрывочные данные о “Серебряном веке”, Вы с большой силой подтвердили в своей книге. Я полагаю, что нынешнее время во многом схоже с теми годами. Чем это закончилось — известно!

Будучи в Армении, я познакомил с содержанием книги некоторых знакомых. Они очень заинтересовались Вашим произведением. Но я не мог им её оставить, так как она подарена мне Вами. Не найдёте ли возможным подписать три книги для Армении и Библиотеки Н. И. Рыжкова на “Прохоровском поле”?

Буду за это весьма Вам благодарен. Список “желающих” передаю.

С искренним уважением
Николай Иванович Рыжков,
Член Совета Федерации
г. Москва

СПАСИБО ЗА РУССКОСТЬ!

Дорогой Станислав Юрьевич, здравствуйте!

На слове “дорогой” рука чуть дрогнула: редко кому хочется сказать теперь “Дорогой”! Мир, особенно литературный, словно бы обезлюдел, впал в паскудство и изворотливость, никто никого не любит, не ценит, не хочет помнить. И только Вы подписываете книгу “Старинным друзьям...” – за что спасибо особое.

Вашу “Любовь, исполненную зла” прочитал залпом – как стопку выпил и не поперхнулся. Таких книжек с нашей славянской стороны я уже давненько не читывал. Да кроме Вас с такой страстью, с таким сарказмом, а по сути – с неизбывной горечью никто и слагать-то не умеет. Мне бывало необыкновенно смешно прежде, когда Юра Кузнецов посягал на равенство с Пушкиным (экое самомнение!), но я совершенно согласился с Вашими рассудительными мыслями о роли Ахматовой в русской поэзии – то ли благотворной, то ли ущербной. Лучшее из неё никто не подвергает сомнению, но многое – увы!.. и ах!

В зелёной моей литинститутской юности (17 лет, Москва, первая книжка – и автор из провинции!) Цветаева с Ахматовой очень даже шли на ум. Мы зачитывались ими, особенно наши прокуренные поэтически – всякие Ляды, Ланки, Инги, Мары, – словом, сплошные молдавско-прибалтийские шмары-кошмары. А нынче что же?! Не только студенческие подруги не читаются, но и Ахматова с Цветаевой мало в чём убеждают. Не хочу показаться поэтическим женоненавистником, но сколько нашего брата погибло от их кликушества и ведьмовства. Не одна Дербина Колю Рубцова угробила. Думаю, и Боря Примеров был изначально приговорён пасть жертвой небезызвестной Кондаковой, суевающейся и поныне в либеральной тусовке. Наблюдал я её недавно по ящику из Переделкино – аж крякнул от досады! За что ратует на свою гнутую копеечку? Ну, да Бог с ними! – Ваша книга в очередной раз перекрыла своей честной русскостью всю эту псевдоисторическую инакость. Спасибо ещё раз.

“Наш современник” каждый месяц жду с нетерпением, звоню в Союз: “Не пришёл ли следующий номер?”. Он, к счастью, приходит регулярно, и я на два-три дня погружаюсь в родное.

Ваш вечный поклонник
Василий Макеев
г. Волгоград

ПУШКИН – НАШ ПУТЬ

Дорогой Станислав Юрьевич!

С истинным наслаждением прочёл в шестом номере “Нашего современника” Вашу главу о Пушкине. Готов подписаться под каждой мыслью, под каждым словом, если уместна с моей стороны такая похвала. Пушкину создали акафисты равновеликие ему Гоголь и Достоевский. Ваша статья в данном ряду. Это не преувеличение, не дежурный комплимент. Вы точно и по-своему

вместе с классиками, продолжая их мысли, определили значение нашего Поэта для России, да и для мира в целом. Где ещё, в какой стране сочинитель стихов стал предметом общего обожания? Пушкину поклоняются верующие и безбожники, русские и евреи, утончённые либералы и “твердолобые сталинисты”. А почему? Потому что Пушкин – божественная, идеальная норма поэта, гения, человека. Потому что именно таким людям адресована Нагорная проповедь Иисуса Христа в надежде, что она будет услышана и реализована. Ведь Спаситель прямо сказал, что пришёл не к лукавым праведникам, но к искренним грешникам.

У англичан среди таких есть Байрон, у французов – Верлен и Рембо, у американцев – Эдгар По, возможно, равные нашему Поэту мастера. Но они слишком заигрались с дьяволом и не сделали религиозными фигурами в глазах соотечественников... На Востоке мы знаем поэта-суфия Инайят Хана, индуиста Тагора, даоса Ли Бо... Они тоже не стали пророками для своих стран, потому что их опередили в союзе с Богом Магомет, Кришна, Лао Цзы. Наш Пушкин уникален потому, что ни через одного из пророков Земли небесный Отец не проявлял Себя столь свободно, легко и очаровательно, как через Пушкина. Но под этой свободой, лёгкостью, очарованием – великая пахота, а над ней – крест дуэльного распятия.

Пушкин – наш тяжкий путь к святости и сама эта грешная святость, включающая Крещение Руси, расколы, смуты, апофеозы, наконец, великий советский опыт.

Вы очень своевременно напомнили о том, как праздновался столетний юбилей Пушкина в зловещем 1937-м. Я смутно помню кое-что из того времени (мне тогда было шесть лет), но кроме того, я сохранил семейную реликвию – металлический барельеф Поэта, отштампованный в ту пору на советской фабрике с надписью (1837–1937). Кое-кто по такому поводу может похихикать: дескать, праздновали пышно смерть поэта (“Они любить умеют только мёртвых”). Но ведь это был по существу официальный акт канонизации Пушкина советской властью, объявление перехода его в бессмертие, наконец, религиозный вердикт, объявляющий вне закона любые попытки “сбросить Пушкина с корабля современности”.

Вы замечательно глубоко проанализировали слова Гоголя о Пушкине как идеале человека в развитии, каким он станет через двести лет. Тут дело не в цифре – в сути. Если в иных странах и религиях – идеал каноничен, у русских он постоянно развивается, как развивался сам Пушкин от “афея” к “отцам пустынноикам и девам непорочным”. Потому что и сам Бог – непрерывное развитие.

Вы убедительно защитили А. С. от попыток приватизации со стороны Ахматовой и Цветаевой, от похлопывания по плечу Маяковским, от блоковских наваждений, то есть выделили Пушкина опять же в особую фигуру на русском поэтическом Олимпе. И как тут с Вами не согласиться! Даже, не принимая излишней резкости по поводу вышеназванных, вполне достойных персоналий Олимпа. Время-то большое – не до олимпов. Россию настойчиво заталкивают в политическую, экономическую, аморальную пропасть – в пасть дьяволу. Не в первый раз! Пушкин же остаётся нашей охранной грамотой – “не дождётесь”! Опять же – почему? А потому что образец духовного, нравственного и физического здоровья.

В заключение позвольте поблагодарить Вас как главного редактора за честь публикации именно в шестом номере журнала моей подборки стихов, за то, что в том же номере опубликованы замечательные стихи о России иркутянина Виктора Бронштейна – ещё одно доказательство непобедимости Пушкина и всемирной Русской Идеи, живущей поверх всех лопающихся швов современного мира.

В моём книжном шкафу Ваша книга стихов “Пространство и время” с дарственной надписью: “Юрию Ключникову с верой в силу правды и с надеждой, что сыновья продолжат наше дело... 30.7.1985”. Рад подтвердить сегодня, что оба наши Сергея это дело продолжают. А Вам – здравия, многая лета и славных трудов на благо Отечества!

Юрий Ключников
г. Новосибирск

ОСТАНОВИТЕ КОЩУНСТВО!

Добрый день, Станислав!

Спасибо тебе за книгу “Любовь, исполненная зла...”, которую я тут же, за один вечер проглотил, хотя в журнале читал её под другим названием – “В борьбе неравной двух сердец...”. Думаю, что новое название, действительно, имеет больше соответствия с описываемыми событиями и именами поэтов, вовлечённых в думный круг твоих размышлений, ярких, неожиданных суждений.

Я тут снова в “Литгазете” наткнулся на Игоря Панина, где он снова носится с убийцей Рубцова Людмилой Дербиной и опять пытается её обелить и убедить обывателя, да и читающий мир в её невиновности. Вот что он пишет:

“Не хотелось бы копать в том давнем вологодском деле. Рассказывать в деталях (в которых, видимо, тоже кроется дьявол) о повторной экспертизе 2001 года, показавшей, что Рубцов умер не от удушения, а в результате инфаркта, спровоцированного сильным опьянением и борьбой с Дербиной. Дело-то в другом. Он любил эту женщину по-настоящему. Не отпускал и всякий раз, когда она уходила, возвращал её. Да и она его любила, потому и возвращалась. И сегодня, спустя 42 года после трагедии, неужели нельзя хотя бы просто оставить её в покое? Не говоря уже о милосердии и прощении, на которых базируется христианство, но даже чисто по-человечески... Вина или нет, но срок она отсидела, а за все эти годы получила столько оскорблений, сколько, вероятно, ни одна женщина в нашей литературе. До сих пор пишет стихи и воспоминания? – Пусть пишет. Не пора ли поставить точку в этой истории и перестать разносить грязные сплетни, оскорбляя тем самым и память Рубцова?... Но нет, мы не таковские. Мы будем до конца бороться за чистоту поэтических рядов.

Раздаются даже голоса, что Дербина – это проклятие русской поэзии... И у меня такое предложение... а давайте её распнём?! Не виртуально, нет, а всамделишно. Распнём и начнём водить вокруг креста хороводы, исполняя при этом песни на стихи Рубцова “В горнице моей светло...”

Это ж до какого кощунства может дойти человек в своих визгливо-душевных излияниях за убийцу! И ведь его не остановить. Это ещё не вся цитата. Сил больше не было воспроизводить её в письме до конца. Вот она, любовь, исполненная зла!

Станислав, ещё раз спасибо тебе за книгу! За великую любовь к нашему безвременно погибшему великому поэту Николаю Рубцову, за преданность истинному русскому слову, за твои бойцовский качества, за твёрдость твоего духа. И – храни тебя Господь!

Твой
Владимир Скиф
г. Иркутск

ДОКАЗАТЕЛЬНО И СПРАВЕДЛИВО

Здравствуй, дорогой Станислав Юрьевич!

Невольно вызывает восхищение то, как Вы мощно, сосредоточенно и плодотворно работаете. Вот и в “Борьбе неравной двух сердец” вновь проявился Ваш талант глубокого, скрупулёзного и смелого исследователя. У меня не возникло ни малой доли сомнения в доказательности Вашего труда, в его мотивированности и справедливости оценок “Серебряного века” и литературных “кумиров” века XX-го. Большое Вам за это спасибо!

Геннадий Кузнецов
г. Новокузнецк

“НЕ ТЕРЯЕМ УВЕРЕННОСТИ В ПОБЕДЕ...”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Прочитал Вашу книгу “Любовь, исполненная зла...” с огромным интересом. Особенно впечатлила история с Николаем Рубцовым и его женой. Это, конечно, интереснейшая находка-сопоставление и анализ поэтических текстов, которые открывают духовный мир автора. Давно я не читал ничего более увлекательного. Теперь многим друзьям рекомендую эту замечательную книгу.

Расскажу кратко о себе. Родился и вырос я в деревне, в Бокситогорском районе Ленинградской области. Исторически это был Устюжанский уезд Новгородской губернии. В детстве застал ещё стариков, родившихся до революции, на рубеже XIX–XX веков, общался с ними, дышал воздухом русской цивилизации, ещё не зная трудов славянофилов, Данилевского, Тютчева, Лютцова. Это общение, жизнь в деревне, на природе формировали мою душу. Закончил школу в городе Пикалёво, где живут мои родители. Поскольку в деревне очень любил животных, то поступил учиться на животновода-зооинженера в аграрный университет, который находился в Пушкине (Царское Село). Потом учился в аспирантуре, здесь же защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента, сейчас пишу докторскую. Читаю лекции, веду занятия у студентов, руковожу исследованиями аспирантов в своей профессии. За эти годы прочитал очень много книг, сформировавших моё мировоззрение, а точнее – углубивших его, поскольку основу я получил в деревне. Очень ценю Кожина, Шафаревича, Нарочницкую и многих других современных мыслителей. Ваши книги тоже сильно повлияли на меня. Благодаря им мне кажется, что я с Вами давно уже знаком, Станислав Юрьевич, знаю всю Вашу жизнь, которая во многом является примером для русского патриота.

Большая часть моих друзей – это русские православные патриоты-государственники. Здесь, в Питере, много такой замечательной молодёжи. Причём, что больше всего радует, есть и совсем молодые люди, 18–20 лет, которые разделяют наши убеждения.

Живя в современном мире, утопающем в грехе и жестокости, мы, однако, не теряем оптимизма и уверенности в нашей русской победе по слову преподобного Силуана Афонского: “Держи свой ум во аде и не отчаивайся”. Эта уверенность живёт в нас, в том числе и благодаря Вам!

С уважением и любовью к Вам

Вадим Грачёв
г. Санкт-Петербург

ПРЕОДОЛЕВАЯ ДУХОВНОЕ РАБСТВО

Дорогой Станислав Юрьевич!

В системе духовного рабства, которая формируется интенсивно и успешно и предназначена большей части человечества, важное место занимает процесс создания искусственных авторитетов. В случае смерти обычного, ничем не примечательного “творца”, но изрядно потрудившегося в определенной сфере для опровержения традиционных, народных взглядов на жизнь и многообразие её проявлений, а также божественных истин, специалисты по созданию имиджа наделяют усопшего рядом эпитетов, которые я услышал с экрана телевизора, почерпнул из печатных изданий и по памяти приведу:

“Ушедший из жизни (имярек) был отважным борцом с тоталитаризмом, бессеребрянником, совестью нации, с его смертью завершилась целая эпоха, он был правофланговый, основоположник нового направления, человек-легенда, Человек с большой буквы, Учитель, создатель школы, невосполнимая утрата, новатор, нетрадиционное прочтение и осмысление, новое слово в искусстве, в науке, талант невероятного масштаба...” – и т. д. и т. п.

При жизни тоже восхваляют неумеренно, но особенно стараются исползовать кончину известного деятеля либерально-демократического направления, “наследившего” в науке, искусстве, политике и прочих областях земной

суеты, чтобы ни один человек, простой или знатный, не осмелился подвергнуть сомнению его “вклад” в определённую деятельность и старался следовать ему в мыслях и поступать подобным образом. То есть добровольно-принудительно формируется определённый тип человека, благоприятная среда для окончательного торжества бесовщины.

Лишь немногие мыслители осмеливаются слить подобных творцов в поимую яму истории. Являясь отчасти и опосредованно Вашим учеником, могу констатировать, что всё Ваше творчество: и поэзия, и проза, и литературная критика направлены на защиту традиционных, народных нравственных ценностей от либерального блуда. Написав новую книгу “Любовь, исполненная зла...”, вы свершили очередной гражданский подвиг.

Книга написана превосходным русским языком, читается легко и с интересом. С моей точки зрения, она является творческой удачей: и по форме, и содержанию. Она с виду небольшая по объёму, но ценнее, чем иной солидный научный фолиант доктора филологических наук, профессора. Мал золотник, да дорог! — к месту сказано мудрым народом. Читаю и перечитываю с удовольствием. И раньше знал о проказах наших “гениев” немало редких подробностей, но вы привели в стройную систему имеющиеся факты о бесовском искушении в литературе и в жизни.

Содержание вашей филологической, исследовательской работы — за пределами и выше большинства докторских диссертаций. Она не стандартна и нетривиальна, остроумна и глубока, тезисы и умозаключения непротиворечивы и достаточно доказательны.

Ещё раз поздравляю с творческой удачей, желаю Вам, Вашим родным и близким здоровья и благополучия!

В. П. Проценко

г. Тимашевск Краснодарского края

ТРУДНЫЙ СПОР ПРАВДЫ ПУБЛИЦИСТА И ПРАВДЫ ХУДОЖНИКА

Дорогой Станислав Юрьевич!

Вы прислали мне свою книгу с примечанием: “Поскольку у тебя есть какой-то врождённый инстинкт надёжного простонародного понимания жизни, то ты, надеюсь, поймёшь, для чего я написал эту книгу”.

И хорошо зная Вас, дорогой Станислав Юрьевич, и руководствуясь своей интуицией, я прекрасно понимаю, что в этой работе Вами двигали самые благие побуждения, опирающиеся на глубокие раздумья о судьбах русской литературы. Эти напряжённые раздумья были Вам свойственны всегда, и они нашли яркое отражение как в Вашей публицистике, так и в поэзии.

Я внимательно читала Вашу работу “В борьбе неравной двух сердец”, опубликованную на страницах “Нашего современника”. И справедливо сочла, что мне не стоит откликаться на неё немедленно, по первым впечатлениям. “Нужно всё это обдумать”, — сказала я себе. Первое простонародное правило, которое приходит мне на ум, когда речь идёт о добре и зле, — нет худа без добра и добра без худа. К примеру: очень плохо поступила Ева, что соблазнилась запретным плодом. Однако результатом её грехопадения стал расселённый по всей Земле род человеческий.

Конечно, человечество по преимуществу живёт во грехе; тем не менее, среди этих многочисленных грешников встречаются не только “отцы пустытники и жены непорочны”, но и такие замечательные люди, как Вы, например, Станислав Юрьевич. Говорю это без тени юмора. Незаурядный поэтический дар, несомненный талант публициста, неисчерпаемый энтузиазм организатора и беспримерная работоспособность, одухотворенные христианским мировоззрением, заслуживают глубочайшего уважения.

Так и растленный, суетный, отягчённый безмерной гордыней, мятежный, одержимый “серебряный век” дал нам великих поэтов и прозаиков (не буду перечислять их имена, Вы их сами назвали). Однако согласитесь, что и “козлоногие” поэты, и поэтессы “из логова змиева” не одно лишь зло принесли в мир — они обогатили русскую поэзию новыми художественными приёмами, новыми ритмами и интонациями, оставив всё это в нашем с Вами распоряже-

нии. И рука у меня не поднимается, уважаемый Станислав Юрьевич, бросить камень в таких же, как я, несовершеннолетних существ — непоправимо ошибавшихся, быть может, в своей короткой жизни, но и страдавших, и жестоко расплатившихся за свои ошибки.

Вы исходите из того, что Дербина, оборвавшая жизнь Рубцова, — духовная наследница “разрушительницы” и “разорительницы гнезд” Ахматовой, так как Ахматова была и остаётся её кумиром.

Я не поклонница Ахматовой, однако справедливости ради замечу, что сама Анна Андреевна всё-таки не убила ни одного из своих мужей. А если среди её окружения и были самоубийцы из-за несчастной любви (Вс. Князев), то почему ответственность за эту смерть должна нести именно Ахматова?

Бениславская застрелилась на могиле Есенина, ещё несколько женщин покончили самоубийством после трагической гибели поэта, но Вам ведь не приходит в голову (и справедливо не приходит!) мысль о том, что Есенин “уволок” с собой на тот свет нескольких человек!

Вы и сами — поэт, и кто из поэтесс не был в Вас безнадежно влюблен, да и поклонниц Вашего творчества немало. Дай Бог Вам долгой жизни, Станислав Юрьевич, но вот не дай Бог — застрелится кто-нибудь на Вашей могиле, и какая Ваша будет в том вина?! . Увы, в контингенте поклонников поэзии (и Вы сами это прекрасно знаете) немало людей экзальтированных (одержимых, если выразиться Вашим словом), неуравновешенных, а то и вовсе психически нездоровых.

Более того, Станислав Юрьевич, я не нахожу неумолимой связи между характером стихов Дербиной и тем, что она совершила.

В отличие от Вас, я не число за ней особого таланта, который бы выделял её как самостоятельную фигуру среди большого числа пишущих женщин. Характер её стихов, по большому счёту, не выходит за рамки прикладного творчества. То есть это не более чем романтизация персональной личной жизни, свойственная женщинам вообще.

Вспомните, что и пушкинская Татьяна, начитавшись переводных романов, воображала себя “Клариссой, Юлией, Дельфиной”. Но трагедия, которая прошла через юную жизнь этой провинциальной девушки (убийство безобидного Ленского на дуэли из-за пустяка, из-за глупого кокетства легкомысленной Ольги), сделала её другим человеком, заставила понять всю меру личной ответственности женщины. С Дербиной этого не произошло, она продолжает жить “Клариссой, Юлией, Дельфиной”, то есть волчицей, медведицей и крушиной, да к этому прибавился ещё ореол её гонимости и жертвенности. Волчица, поднимающаяся на Голгофу, — ну, где тут хоть какая-то гармония поэтической картины, где хоть капля художественного вкуса?!

Разорьте, Станислав Юрьевич, Вашу редакционную корзину, куда Вы выбрасываете “отбракованные” рукописи: если не половина, то добрая треть содержимого корзины — это стихи “крушин”, “волчиц”, “зимних вишен”, “касандр” и “птиц с перепитым крылом, с головой бросающихся в омут любви”.

Заметьте, что там же лежат многочисленные “настасьи филипповны”, потому что какой же русский город, какое село без своей роковой красотки-страдалицы! Чем же провинился Достоевский, если наши дамы пленяются одной из самых страшных и разрушительных его героинь? Писатель с огромной художественной достоверностью показал мятежный путь этой женщины, которая не только погибла сама, но и, не желая того, растоптала жизнь, как минимум, ещё двух человек. Поистине, “нам не дано предугадать, как слово наше отзовется”!

Я согласна с Вами, что на рубеже XIX–XX веков в обществе действительно очень сильны были губительные, разрушительные, самоубийственные тенденции. Попали в этот гигантский водоворот и люди искусства, в том числе и поэты.

Изобличая “порочный век”, Вы с особым удовольствием прошлись по женщинам, эти фуриям сексуальных и прочих революций. “Языческая гордыня”, “соблазн языческой и греховной красоты”, дохристианская жажда крови и разрушений. . . Создаётся впечатление, что все без исключения женщины — “из логова змиева”, они только и ждут подходящей атмосферы, чтобы реализовать свои утробные языческие инстинкты.

Нелишне напомнить, что первой христианкой на Руси стала русская княгиня. Правда, если чей-то недобрый язык станет выборочно приводить лето-

писные свидетельства из жизни великой равноапостольной княгини Ольги, то перед нами как раз и возникнет “хищная волчица”, огнём и мечом уничтожившая древлян в отмстку за убийство мужа. Но не одни лишь змиевы подношения принимают женщины: когда к Ольге пришли первосвященники земли русской, она окрестилась в православную веру и оставалась добродетельной христианкой до конца своих дней.

Мудрые священники Древней Руси проявляли немалую терпимость к жестокому обычаю своего времени. До нас дошли и такие наставления епископов русским князьям: “Попускаешь ты себе, князь, есть мясо во всякий постный день... да портить отроковиц... так зашел бы в храм лоб перекрестить”. Понимали святые отцы нашей православной церкви, что если князя в четыре года сажают на коня (с конца копыя вскормлен), в 17 лет он уже всю жизнь участвует в междоусобных битвах, а в 20 лет, обуянный гордыней, ведёт полки на своего родного брата (это факты из биографии святого великого князя Юрия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода), то трудно ждать от него безгрешной и праведной жизни. Впрочем, Юрий Всеволодович, хотя он и нанёс известный урон наследию своего отца Всеволода Большое Гнездо (приложил руку к “разорению гнезда”), был человеком богобоязненным и мученически погиб в битве с монголо-татарами, за что и канонизирован.

И мужчины, и женщины во все века совершали роковые, порою непоправимые ошибки. Однако, на мой взгляд, недопустимо ставить на одну доску с Демьяном Бедным автора “Войны и мира” и “Анны Карениной” только за то, что он просил не ставить креста на его могиле. Вряд ли есть необходимость вершить столь строгий земной суд над собратьями своими, когда есть Высший Суд.

Мне вспоминается Ваше чудесное стихотворение, глубоко проникнутое гуманизмом и христианской любовью к людям:

*Живём мы недолго — давайте любить
И радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить,
И так уж на улице вьюга!*

*Давайте друг другу долги возвращать,
Щадить беззащитную странность,
Давайте спокойно душою прощать
Талантливость и бесталанность.*

*Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
Валялся в больничных палатах.
Что делать? Земля наш прекрасный удел —
И нет среди нас виноватых.*

Это Ваша правда художника – и она мне почему-то ближе, чем Ваша правда публициста...

Искренне и от всей души поздравляю Вас с юбилейным днём рождения! Пусть и впредь не меркнет Ваш блистательный талант – на радость всем нам, кто любит Вас, кто желает Вам добра, счастья и крепкого здоровья!

Светлана Сырнева
г. Киров

“ВЫ ОТВЕТИЛИ УБЕДИТЕЛЬНО”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Прочитала вашу замечательную книгу трижды (впервые – в журнальном варианте) – настолько она меня поразила. Не надеялась когда-либо и от кого-либо получить серьёзные, правдивые ответы на вопросы, беспокоившие меня долгие годы. Блестящий философ и филолог Гасан Гусейнов, к примеру, честно ответил мне, что затрудняется объяснить, почему талантливейшие художники, зачастую объективно хорошие, совестливые люди, исповедующие

эстетизм\богоборчество как мировоззрение и стиль жизни, неизбежно расплачиваются жестоким саморазрушением.

Вы ответили убедительно и, возможно, исчерпывающе.

Не скажу, что ваши жёсткие выводы меня обрадовали. Ведь я всем сердцем любила и продолжаю любить творчество Цветаевой, Блока, Есенина, Волошина (для меня это художники высшей, так сказать, категории, но их-то вы, к счастью для меня, почти пощадили). Что касается других ярких, талантливых деятелей эпохи Серебряного века, вы их просто растоптали. Не перечисляю их, чтобы не утомлять вас.

А ведь спорить с вами совсем не хочется. Сопротивляясь, негодуя и сокрушаясь душой, я, тем не менее, вынуждена принять вашу точку зрения.

И знаете, почему? Аргументы – аргументами, но невозможно было не почувствовать, что вы и сами негодуете, сокрушаетесь и – ЖАЛЕЕТЕ героев вашей книги. Меня это совершенно покорило и растрогало.

Отлично зная ваш бойцовский, непримиримый нрав в полемике с вашими идейными и литературными оппонентами, я опасалась и в этой вашей книге наткнуться на слепую запальчивость и безоговорочное осуждение, присущие публицисту, уверенному в том, что его мнение – это и есть истина в последней инстанции. Простите меня. Я встретила в вашем лице автора, в котором стальная бескомпромиссность парадоксальным образом сочетается с глубиной и тонкостью восприятия, с умением понимать “чужое” и по-человечески чужому и чуждому сострадать. Это большая редкость по нынешним временам. Приходится признать, что моё мнение о вас было весьма поверхностным.

Я была воистину потрясена тем, как вы изложили трагический сюжет Николая Рубцова и Дербиней. Начав с сурово-презрительной характеристики этой женщины, вы кончили, тем не менее, почти отеческим сочувствием к ней. Для меня это означает абсолютную непредвзятость вашей позиции. Любя Рубцова (он и мой любимый поэт), невозможно найти оправдание Дербиней. Но вы, блистательно анализируя её творчество, логически приходите к выводу, что гибель Поэта была неизбежной, так как жизнь столкнула две антагонистические (и ментально, и психологически, и творчески) сущности, и тёмная сущность оказалась, увы, неодолимой. В земной жизни. Вы подводите читателя к осознанию, что судьба Рубцова была предопределена – именно потому, что он был категорически ДРУГОЙ. А значит, и она не столь уж виновата, потому что – непоправимо другая. Свет и Тьма, как у вас сказано.

Вот эта ваша неожиданная непредумышленность, глубина и честность анализа произвели на меня неизгладимое впечатление.

От всей души благодарю вас, Станислав Юрьевич, за книгу, оказавшуюся частью моей личной биографии. Мысленно я снова и снова возвращаюсь к ней, обдумываю.

Единственное мягкое возражение. Вы противопоставляете бесовщине авторов Серебряного века духовность и несокрушимую гармоничность Пушкина. По-моему, это неправильно.

Во-первых, Пушкин не явился на свет сразу таким мощным – духовным и гармоничным. У него было время для роста.

А во-вторых, Пушкиным можно побить КОГО УГОДНО. Он же действительно “наше всё”, единственный и неповторимый национальный гений. Рядом с ним все неудачники, мелкие бесы.

Еще раз СПАСИБО.

С уважением,
Татьяна Кузьмина
г. Сталинград

О СВЕТЕ И ТЬМЕ, И НЕ ТОЛЬКО...

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Прочитал в “Нашем современнике” Вашу статью о Рубцове и Дербиней – думаю, Вы дали форум многим литературоведам (я о свете и тьме).

Юрий Беликов
г. Пермь

БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ

Дорогой Станислав! Ещё раз благодарю тебя за то, что ты разрешил опубликовать в нашем журнале “Поэзия” свою книгу “Любовь, исполненная зла...” Уверен, что для читателей журнала книга станет истинным потрясением, ибо ты говоришь то, что до тебя боялись сказать многие!

Откровенно завидую твоей замечательной работе. Единственное огорчает, что написал это не я... Хотя откровенно говорю, может быть, сам я на это и не отважился бы.

Публикации начинаем с самого ближайшего номера. Даём сразу около 40 страниц с продолжением.

Твой
Лев Котюков
Москва

ПОМОИ ОТ ПАНИНА

Статья Игоря Панина “Санта-Барбара от Куняева” (пятый номер “Лит. России” от 1 февраля 2013 года) даже на привычном сегодня желтом газетном фоне выглядит особенно гадко.

Игорь Панин не скрывает своей “личной неприязни” к Станиславу Куняеву. Давние обиды, уязвленное самолюбие или зависть тому причиной – не так уж и важно. В конце концов, Куняев и Панин находятся в “разных весовых категориях” нашей литературы, и тщедушные удары малоизвестного автора Станислав Юрьевич может просто не заметить.

Но тема, вокруг которой подобным образом “танцует” Панин, слишком серьезна. Она касается личности великого русского поэта Николая Рубцова.

“Меня давно интересовало всё, что связано с именем Николая Рубцова, стихи которого я искренне люблю, – пишет Панин. – Прочитал массу литературы о нём, неоднократно беседовал с людьми, знавшими его при жизни. Удивляло вот какое обстоятельство – биографы, все как один, отмечали буйный нрав Рубцова, конфликтность и неадекватное поведение в состоянии алкогольного опьянения, но в нелепой смерти его вину вину почему-то одну Дербину”. Логика автора понятна: в своей смерти Рубцов виноват сам, можно к этой “идее” присоединить уже другие, “жареные” факты, тем более что у Панина “вполне естественно” возникло “желание лично побеседовать с Дербиной, взять у нее интервью”. Но о самом интервью Панин почти ничего не сообщает, зато приводит пространную цитату из давних воспоминаний Константина Кузьминского “Любовь поэта и кровь любви”, лживых и отвратительных по своему содержанию и тону. Панин демонстрирует нравственную глухоту и вопиющий непрофессионализм, не гнушаясь цитировать эту мерзость, не замечая даже фактических ошибок автора, “живущего ныне в США”.

Например, Кузьминский (и солидарный с ним Панин) настойчиво повторяет мысль о прижизненной безвестности и непризнанности Рубцова: “. . . Что знаем мы о трагедии Рубцова-Дербиной? О любви их – знаем. И в стихах Колиных, и в стихах Людмилы – о ней говорится. Была. А – о жизни полуофициального (?) поэта?.. О пьянстве его горчайшем?.. О попытках “пробиться в печать”?.. О нищете, неустроенности, о тоске?”

Безвестность Рубцова – на самом деле миф. При его жизни подборки стихотворений регулярно появлялись в центральных журналах и газетах, не обделен он был и вниманием критиков, особенно после выхода его книги “Звезда полей” (1967), получившей свыше 50 (!) рецензий, среди которых совсем не было так называемых “организованных”. В журнале “Вопросы литературы” (тогда ведущем литературоведческом издании) имя Н. Рубцова встречается довольно часто. В третьем номере журнала за 1966 год В. Кожинот отметил подборку стихотворений поэта в “Октябре”, в седьмом номере 1968 года Вл. Гусев писал: “Поэт, по сути, не так уж прост: главное в жизни, сама жизнь и смерть, природа и ясный простор земли в их отношении к человеку – вот что его занимает” (с. 107). В седьмом номере за 1970 год В. Кожинот заметил: “Сейчас нельзя уже говорить о современной русской литературе, не зная, что делается, скажем, в Вологде, – ибо там живут и работают Виктор

Астафьев, Василий Белов, Николай Рубцов” (с. 32). В номере одиннадцатом за тот же год критик Ал. Михайлов рассуждал: “Н. Рубцову совершенно чужды получившие некоторое распространение плоское противопоставление деревни городу, кичливое любование своим крестьянским происхождением” (с. 25). Кстати, все отзывы о Н. Рубцове в журнале были исключительно положительными.

Еще один факт: Н. Рубцов без проблем публиковался в чрезвычайно популярном тогда альманахе “День поэзии”, за место в котором разворачивались целые подковерные битвы, многие поэты даже поссорились из-за этого “всерьез и надолго” (В. Цыбин с Н. Старшиновым; Т. Глушкова и Ю. Друнина с Ю. Кузнецовым и др.).

Вот они, эти публикации Н. Рубцова: “День поэзии-1963” – стихотворения “В океане”, “Утро на море”, “В кочегарке”. “День поэзии-1966” – стихотворения “Загородил мою дорогу...”, “Над вечным покоем...” (в этом номере, между прочим, дебютировал Ю. Кузнецов). “День поэзии-1967” – стихотворение “Шумит Катунь”. “День поэзии-1968” – стихотворения “У размытой дороги”, “Последний путь”. В “Дне поэзии-1969” – целая подборка: “На ночлеге”, “В жарком тумане дня...”, “Посвящение другу”, “Во время грозы”, “Последняя ночь”.

А еще были публикации в региональном “Дне поэзии Севера”: в 1966-м, в 1968 году – в двух номерах, вышедших в Архангельске и Петрозаводске; в 1969-м, 1970-м и 1971-м годах! Как видим, список получился довольно впечатляющий.

С середины 1960-х годов (время вступления Н. Рубцова в большую литературу) книги у него выходили одна за другой: четыре сборника за шесть лет, еще один был сдан в набор (“Зеленые цветы”) и появился в книжных магазинах сразу после гибели Рубцова, следующий (“Подорожники”) был подготовлен к печати. Мало кто из поэтов того времени мог похвастаться подобной “скорострельностью”, многие ожидали выхода книги подолгу: годами, а то и десятилетиями. Удивительный факт: первые два поэтических сборника Рубцова увидели свет еще до его членства в Союзе писателей! И гонорары за свои публикации Рубцов получал немаленькие. Говорит друг поэта, Сергей Багров: “Коля бедным никогда не был”. Другое дело, что обращаться с деньгами Рубцов не умел – вырос в детдоме.

Слава его росла постепенно, но неуклонно. Рассуждение о том, что странная и загадочная гибель Рубцова стала одной из причин взлета его популярности – непрофессионально и несправедливо к его поэзии в целом. Уже при жизни Рубцова многим было ясно, с какой величиной они имеют дело. Враги у Рубцова, конечно, имелись, но были и покровители, и истинные ценители его творчества: А. Яшин, Е. Исаев, В. Кожинов, Ст. Куняев, В. Астафьев, В. Белов... Незадолго до смерти Н. Рубцову дали выступить на выездном пленуме Союза писателей, а что это означало в те времена, понимали все. И посмертная судьба Рубцова подтвердила неписаное правило: поэзия живет по своим собственным законам. “И не она от нас зависит, А мы зависим от нее...”

О “пьянстве” и даже “алкоголизме” Николая Рубцова не писал только ленивый. Панин выделяет еще одну мнимую черту характера поэта: “буйный нрав”.

В двух, самых полных на сегодняшний день, “Воспоминаниях о Рубцове”, изданных в 1983 году в Архангельске и в 1994 году в Вологде, и в биографических книгах Н. Коняева и В. Белкова, Рубцов предстает совсем в другом обличье, – небезупречном, но другом.

“Коля был человеком очень чувствительной и нежной души” (Галина Матвеева); “Доброты в нем было через край, доверчивости – еще больше: простота, не знающая границ...” (Александра Меньшикова); “Николай Рубцов был добрым. Он не имел имущества. Он им всегда делился с окружающими. Деньги тоже не прятал” (Глеб Горбовский); “Денег не берег... Бессребреник и вечный странник” (Валентин Сафонов); “В компаниях он мог быть самым разным. То центром всеобщего внимания, то глубоким и тонким собеседником, то безудержным весельчаком, то молчаливым наблюдателем, то совершенно незаметным “неучастником”. Он был всяким, но никогда не был ни вздорным, ни злым” (Эдуард Крылов); “Ни в одних стихах Рубцова даже тени нет озлобленности” (Виктор Астафьев); “Навязчивости в Рубцове не было

никакой, пьяным за три почти года мне не довелось его видеть ни разу, и потому многое в рассказах о нем представляется досужим вымыслом” (Василий Оботуров), “После смерти стали говорить, что Рубцов пьяный писал стихи. Это клевета. Он где-то уединялся и там писал. Как-то Бог руководит” (Виктор Астафьев).

Я давно, еще в 1995 году, дал слово о гибели Рубцова не писать. Тем более что мотив убийства многократно менялся — как в оправданиях самой Дербиной, так и в многочисленных версиях “со стороны”. В истории литературы останутся только твердые и неопровержимые факты: Людмила Дербина задушила Николая Рубцова в его квартире, которую он получил в 34 года, — не за месяц до смерти, как пишет Кузьминский, а гораздо раньше. Судебное дело раскрыто, все обстоятельства и детали известны. Дербину осудили на восемь лет, отсидела она пять с половиной, а не семь (еще один “ляп” Кузьминского, а вместе с ним и Панина), в 90-х годах были опубликованы ее воспоминания и стихи.

Еще В. Маяковский с болью и без особой надежды просил: “...пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил”. Но для Панина, как оказалось, нет ничего святого и в этом, и в том мире, — он сваливает в одну кучу и грязное, и чистое белье. И что в результате получилось?.. Ссылки на “знакомых поэтов”; на загадочных людей, знавших Рубцова “при жизни”; на Дербину, которая в принципе не может быть объективной; голословные обвинения в адрес неназванных авторов, запустивших в народ “собственные бредовые теории” (эта оценка особенно умиляет, — Панин даже не замечает, что в этот ряд он включает себя самого); оскорбительные оценки... Только однажды Панин в своей статье сказал правду: “...не считаю себя специалистом в данной области”. Как говорится, “не читал, но осуждаю”, не считая, но пишу...

Понятно, что Паниным двигает обида на Куняева, но нельзя же так явно за ней идти! Статью трудно читать: автора “заносит” то в одну, то в другую сторону, он поливает грязью сначала Куняева, потом Рубцова, затем снова Куняева, но, упустив его из виду, вдруг обрушивает весь свой словесный поток на Сергея Ключникова, посвятив ему целых четыре абзаца, и лишь потом возвращается к “предмету своей страсти”. Игорь Панин в очередной раз выставляет себя в смешном виде, подробно рассказав о том, как распространял сплетню (“за что купил, за то и продаю”) о якобы уничтоженной Рубцовым поэме “Разбойник Ляля”.

Развязный тон публикации не удивляет, — каков человек, таков и стиль, — поражает другое: как может профессиональный литератор, чьи “статьи, интервью, рецензии выходят достаточно часто” (по его собственному скромному признанию), опускаться до сплетен, выяснения отношений и оскорблений? Ни одного доброго слова о Рубцове-человеке! Зато Дербина вызывает у него исключительное сочувствие.

Хотел того Панин или нет, но его статья оказалась написанной в духе авторов, патологически ненавидящих Рубцова: кузьминских, шнейдерманов, новиковых, — смердяковых русскоязычной литературы.

Виктор Бараков,
г. Вологда

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ВАС НЕ НУЖНО — НЕ ЦЕНЮ!”

Приславших мне такого рода письма — благодарю. Но, как говорится, в каждой бочке мёда есть ложка дёгтя...

До чего низко опустился при демократии уровень публичных разборок — на заседаниях Госдумы, на телевизионных поединках, на всяческих открытых микрофонах какого-нибудь “Эха Москвы”, ну, и, конечно, в газетных баталиях

ях. Крики, визги, оскорбления, истерики, угрозы, мат, хамство, аж до мордобоя дело доходит...

Передачи Малахова и Соловьёва уже страшно смотреть – того и гляди, оппоненты и оппонентки в волосы друг другу вцепятся. Один Александр Проханов каким-то чудом сохраняет в этом паноптикуме человеческое и гражданское достоинство. Не ожидал я, что доживу до таких времён. Раньше – в 60–80 годы – я с азартом, бывало, вмешивался в литературные распри, но помню, что и сам держал себя в руках, и соперники не переходили границы приличия. А теперь...

В ответ на мою книгу “Любовь, исполненная зла”, вернее, на первую её главу, посвящённую гибели Николая Рубцова, “Литературная Россия” откликнулась “простыней” на две с лишним полосы некоего Игоря Панина, вроде бы сотрудника “Литгазеты”, почему-то опубликовавшего свой материал “Санта-Барбара от Куняева” не у Полякова, а у Огрызки. Могу лишь предположить, что у Полякова хватило ума не печатать этот по содержанию и по форме жалкий пасквиль.

В первых строках своего сочинения Панин решил поиздеваться над моей тюркской фамилией, вспомнив глумливую эпиграмму обо мне то ли, как он пишет, Аронова, то ли Губермана. Поскольку я никогда не интересовался стихами сотрудника “МК” Аронова, а Губерман в советское время был известен лишь как мошенник, получивший срок за торговлю краденными из русских церквей иконами, то меня это глумление ничуть не задело. Но Панин пытается убедить и себя, и читателя, что моя фамилия останется в литературе лишь потому, что присутствует в творчестве этих двух еврейских остроумцев. Этот якобы “специалист по Рубцову” почему-то не помнит, что моя фамилия не раз упоминалась и Николаем Рубцовым: в его нескольких письмах ко мне, в его дарственной надписи на книге “Звезда полей” (“Станиславу Куняеву, дорогому поэту и другу, на добрую память. 7.12.68 г. Н. Рубцов г. Москва, тёплая зимняя погода”); в его дружеском стихотворении “Ответ Куняеву” с одновременно и шутивными и серьёзными строчками:

*Кроя наших краснобаев,
Всю их веру и родню,
— Нужен мне, — скажу — Куняев,
Вас не нужно — не ценю!*

Я человек не гордый. Если благодаря Николаю Рубцову моё имя останется в истории русской литературы, то мне этого будет вполне достаточно.

Надеюсь, что Панин, не раз писавший о Рубцове и Дербиной, выучит наизусть строки из письма последней ко мне, опубликованного в книге “Любовь, исполненная зла”: **“Николай любил Вас, часто вспоминал. Только и слышишь, бывало: “Стасик, Стасик...”** В своё время это поняла даже Дербина.

Поражаюсь тому, как можно было, якобы “любя Рубцова”, с садистским удовольствием восхищаться злобными размышлениями Кузьминского, мелкого околосредственного диссидента 60-х годов, давным-давно живущего в Америке:

“Вологодские русофобия... Кожинины в кожанках, свиномордые свинофилы, те самые гниды Вологодского Союза, которые загубили Колю, довели его до тоски и безумств <...> Они-то живы, они пишут, ворюя в наглухую и передёргивая по-чёрному... Людмила пишет, что Коля в неё горящими спичками бросался, а я знаю, что и сигареты по пьяни гасил... Об неё, об бабу, ... а довели его те, кто сейчас пишет мемуары, ставит памятники, поёт песенки, переименовывает в честь него улицы — в честь него, чьи стихи они же и не печатали, сами жрали от пуза, а ему не давали, жили-жировали... <...> Что знаем мы о трагедии Рубцова—Дербиной? <...> О пьянстве его горчайшем? О попытках “пробиться в печать”? Об этом знала только Людмила — и любила. И убила в отчаянье. Когда пьяный Коля тянулся за молотком, чтоб — её... Фонари вы её — видели? На женском прекрасном лице?... И идут — публикации за публикацией: “Убийца поэта”. А если бы Коля её замочил? Она ведь — тоже поэт. И прекрасный...”

Весь этот шизофренический русофобский бред цитируется Паниным с помощью Огрызки для того, чтобы доказать, будто в смерти Рубцова виноваты

все его вологодские земляки – “свиномордые свинофилы”. А кто был тогда в Вологде рядом с ним? Яшин, Астафьев, Белов, Фокина, Романов, Шириков, Грязев, Кортаев, Балакшин, Чухин и многие другие – честные и любящие Рубцова русские писатели и поэты, которые всем, чем могли, помогали ему, так же как мы, его московские друзья: Кожинов, Передреев, я, Егор Исаев. И первая московская книга Рубцова – “Звезда полей” – во многом вышла благодаря нашим общим стараниям. Константин Кузьминский, несостоявшийся поэт, – но более чем состоявшийся русофоб, задыхаясь от злобы, много лет подряд заполняет свой сайт бульварными проклятиями по адресу Кожинова, Распутина, Проханова, Бондаренко, Горбовского, Селезнёва, словом, всех тех, кто в то время любил и понимал Рубцова по-настоящему, в отличие от всяческих питерских кузьминских, бродских, шнейдерманов и московских паниных с огрызками.

Нынешние, по словам Виктора Астафьева, жёлтые “жюльнарлисты” выпихивают Дербину на подиум, выдвигают на премию “народный поэт”, экспертом которой является сам Панин, негодующий, что она оказалась всего лишь на 9-м месте. Весь этот абсурдный спектакль станет возможен лишь тогда, когда им удастся доказать, что “алкоголик” Рубцов умер от инфаркта, а если его и задушила Л. Д., то лишь в состоянии аффекта, при самообороне, иначе бы он “замочил” её “молотком”.

Прочитав статью Панина, я понял причину его запредельной ненависти ко мне. Я-то думал, что мы ни где не встречались. Но он плаксиво жалуется:

“Разве Куняев ничего обо мне не знает? Допустим, он не читал моих стихов. Возможно, он забыл о том, что мы с ним лично знакомы: в 2009 году очень мило беседовали в Барнауле и даже обсуждали возможность проведения в “Л. Г.” дискуссии о современной патриотической поэзии”, “но не мог Куняев в 2010–2011 годах не читать “Лит. газеты”. И вряд ли он не видел там ни одного материала за подписью Игоря Панина, так как мои статьи, интервью, рецензии выходят достаточно часто. Но здесь он делает вид, будто впервые обо мне слышит”.

Бедный завистник! Ну, зачем я должен помнить какую-то случайную встречу с ним “в Барнауле, в 2009-м году”? Смешно, когда он напоминает мне, что приходил в качестве курьера три года тому назад за стихами Виктора Бокова в редакцию “Нашего современника”. Это что – историческое событие? Ну, а если я и читал какие-то рецензии Панина, то в памяти они не остались, так что, как говорится, “пиши жалобу на себя”.

Мало того, что у него комплекс неполноценности (все, видите ли, должны помнить, где он был и что напечатал), но и журналист-то он беспомощный, потому что сумел всего-навсего лишь повторить слухи и сплетни, вышедшие за мою долгую жизнь из-под пера некоего поэта Теушакова, старого сплетника Личутина, провокатора Мальгина, давно живущего, подобно Кузьминскому, “за бугром”, и т. д.

Но особенно уязвило тонкую поэтическую душу Панина то обстоятельство, что я не знаю его стихов. Что делать! Я попросил Володу Бондаренку “вытащить” стихи Панина из интернета (ещё раз повторюсь, что сам я берегу своё время и свои глаза, а потому ни на компьютере не работаю, ни в интернет не залезаю. А сайт мой для меня организовала моя почитательница Александра Яковлева, которая следит за тем, что я печатаю, и время от времени обновляет его. Спасибо ей за это).

Стихам Панина предшествует его фото: жирный парень с волосатым брюхом в плавках сидит под пальмой на каком-то экзотическом южном пляже, естественно, с ноутбуком и сочиняет стихи о Родине: *“Тошен писателю быт; дни окаянные. Родину нужно любить на расстоянии, дабы не вязнуть во щах кисло-ужаса и никого просвещать больше не тужиться”.* Дальше идёт такой же косноязычный набор слов “просветителя” в духе Болотной площади, о “гэбне”, о “новой полиции”, о “палачах”, о “плачущем “карлике”, а в конце итог:

*В общем, представился б шанс,
а не пародия,
я б не вернулся, душа,
матушка Родина.*

А в чём дело? Какой шанс тебе нужен? Езжай к своему кумиру Кузьминскому в США или к Мальгину в Италию, к Губерману в Израиль. Чего ждать какого-то “шанса”? И матушке Родине будет легче, когда она избавится от такого сыночка. И в русской поэзии будет меньше одним русофобствующим графоманом:

*Остановка, хоть в окно поглядим:
две избушки, огороды и грязь.
Ах ты, Родина, ах, диво из див, —
проблеваться бы в тебя, умилась.*

Действительно “тошен писателю быт”: его тошнит от пейзажей с “избушками” и “огородами”, с “замызганным Касимовым” и “муторной Рязанью”, которые вдохновляли Есенина и Рубцова, ему “проблеваться” хочется. Ну, и “проблевался” бы под пальмой на экзотическом пляже, тем более что нервишки не в порядке.

*Тоску замуровав
в исписанной тетради,
к чему качать права,
каких иллюзий ради...*

*Без видимых причин,
без лишнего вопроса...
Намедни — кокаин,
сегодня — кровь из носа.*

Какие творческие муки испытывает наш стихоплёт! — до блевотины дело доходит, до кровотечения из носа. Очень советую Полякову полностью напечатать в “ЛГ” этот “патриотический цикл” своего сотрудника, закомплексованного выкорышма интернетовской помойки, рыдающего от непонимания на Родине:

Услышишь слово “Родина” — беги!

А может быть, Родина его сама “выблует” куда-нибудь в Израиль, к Губерману? Да вспыльчивый Рубцов, если бы подобный Панин в своё время пришёл к нему в литинститутскую общагу и прочитал такое, пинками бы выгнал паскудника из своей комнаты.

* * *

А теперь перейдём к Огрызке. У него есть веская причина для того, чтобы постоянно обливать грязью журнал “Наш современник” и его главного редактора. Всё дело в том, что в начале 90-х годов Огрызко работал какое-то время в нашем журнале, но был оттуда изгнан мною, когда я узнал, что он плетёт целую сеть интриг в коллективе, “подсиживает” своих ближайших товарищей по работе, распространяет о них всяческие сплетни. Я редко беру в руки “Лит. Россию”, но буквально в любом номере, который попадаетея мне на глаза, нахожу “огрызкины следы”. Может быть, больше, чем меня, он ненавидит только Кожинова, о котором “Лит. Россия” писала, что Кожинов “человек скрытый, хитрый, недоброжелательный”. В нескольких номерах газеты за 2012 год Огрызко попытался утвердить лживую версию о том, что Кожинов в советское время активно сотрудничал с КГБ; желая скомпрометировать Кожинова, он попытался замарать литературную репутацию честнейшего Юрия Селезнёва, заявив, что последний был “слепой исполнитель воли Кожинова” и мыслил “прямолинейно” и “плоско”. Частенько Огрызко опускается до прямой лжи. В статье “Нас, может быть, двое” (№ 30–32, 2012) он заявляет, что Кожинов “собирался писать по сути апологетическую книгу о Тютчеве”. Да эта книга была написана Вадимом Валерьяновичем в 80-е годы, вышла в 1988-м, неоднократно переиздавалась, а её автор стал лауреатом

Тютчевской литературной премии. Мало показалось Огрызке своих антикожновских выпадов, так он опубликовал несколько страниц лживых воспоминаний скульптора Чусовитина и фантазёра Байгушева, порочащих Кожинова. В одной из своих статей Огрызко лжёт, когда пишет, что после августовского путча Куняев якобы “сбежал” из Москвы “на три месяца”, “сославшись на необходимость дописать книгу о Есенине”. То есть хочет изобразить меня жалким трусом. Но после августовского путча на писательском пленуме, проходившем в сентябре 1991 года, я разорвал распоряжение префекта ЦАО А. Музыкантского, предписывающее его “гвардейцам” закрыть и опечатать Дом писателей на Комсомольском проспекте, 13, якобы за то, что руководство Союза писателей России сотрудничало с ГКЧП. И этот мой поступок помог писателям спасти свой дом. И всю осень 1991 года я находился в Москве, в гуще литературных и политических событий. А книгу о Сергее Есенине мы с сыном Сергеем начали писать на даче в Подмоскovie не в 1991-м, а в ноябре-декабре 1994 года.

В “Лит. России” рядом с панинским пасквилом речь идёт не только обо мне и Кожинове, но и о Сергее Ключникове и о моём сыне Сергее, которому Панин отказывает в праве быть сотрудником журнала “Наш современник”: **“Понятно, что нет в России ни одного человека, кроме вашего сына, который мог бы заведовать отделом критики в “Нашем (вашем! – И. П.) современном”**”).

Ну что я могу ответить на этот упрёк Панина и одновременно его единомышленника В. Личутина, чьи слова о том, что при “Нашем современном” “кормится худо-бедно весь куняевский род”, Панин торжествующе цитирует?

А вот что. Мой сын, Сергей Куняев, до прихода в “НС” пять лет работал редактором в издательстве “Современник”, потом пять лет в отделе критики журнала “Москва”. Он мой соратник и соавтор по созданию книги “Сергей Есенин”, изданной в серии ЖЗЛ в 1995 году, с тех пор переиздававшейся 12 раз и объявленной в 2005 году самой популярной книгой серии. Он автор книги о Николае Клюеве, которая была целиком напечатана в журнале “НС” и выйдет также в серии ЖЗЛ в 2013 году. Он автор книги “Жертвенная чаша” о русской литературе XX века, а также книги “Русский беркут” о судьбе и творчестве поэта Павла Васильева. Он же составитель, автор вступительных статей и комментариев к книгам С. Есенина, Н. Клюева, А. Ганина, П. Карпова, В. Кожинова, А. Ланщикова и т. д. Всего не перечислишь.

Взвесьте, господин Панин, кого должен был я взять на должность заведующего отделом критики в журнал – его или журналиста, подобного Вам, имеющего за душой несколько рецензий, которые забываются на другой день после их прочтения, и нескольких русофобских стишат, достойных лишь интернетской помойки.

Так что Сергей Куняев не “кормится” (по словам Личутина) при “Нашем современном”, а честно и успешно работает там. Лучше бы вспомнил Личутин, как он, испугавшийся четверть века тому назад взвалить на себя бремя руководства журналом “Октябрь”, оказался совершенно не способным ни к какой работе и стал искать благодетелей, чтобы прокормиться. Сначала нашёл Проханова, потом “притёрся” к издателю Титову, потом прислонился к литературному начальнику Ф. Кузнецову, а сейчас кормится с руки Юрия Полякова, организующего Личутину литературные премии. Ну ни дать ни взять чистый Фома Опискин, профессиональный иждивенец из пророческой повести Достоевского “Село Степанчиково и его обитатели”.

Но с благодетелем надо чем-то расплатиться – и несётся со страниц “Лит-газеты” в адрес врагов Полякова лай переделкинско-го “друга человека”, охраняющего две хозяйские дачи, а заодно и свою благоустроенную конуру.

Огрызко в том же “панинском номере” печатает заметку некоего В. Голованова, грубо и облыжно обвиняющего поэта Владимира Кострова в плагиате. Старый и больной Костров не в силах был ответить клеветнику, и слава Богу, что за своего друга и учителя вступился Геннадий Красников. А совсем недавно ко мне обратился знаменитый Олег Михайлов и чуть не плача пожаловался, что его подвижнические литературоведческие труды были ошельмованы в “Лит. России” всё тем же Огрызкой.

Но этого мало нашему пакостнику. В том же панинском номере он с наслаждением комментирует историю с убийством “деда Хасана” в ресторане на территории “Дома Ростовых”:

“Сближение писательского руководства и “королей преступного мира” началось в 2005 году при “дяде Стёпе”, то есть при Сергее Михалкове”. Тут же Огрызко, естественно, сообщает, что после Михалкова “власть в “Доме Ростовых” перешла к поэту-хозяйственнику Ивану Переверзину”, коварно намекая, что “криминальные авторитеты, любившие обедать в “Старом фазтоне”, даже “крышевали” некоторых писательских менеджеров”. А в конце этой лживой и подлой заметки он совсем распоясался, замахнувшись на весь Союз писателей России:

“Как бы там ни было, покушение на короля криминального мира, совершённое на территории “Дома Ростовых”, сильно подмочило репутацию как всего писательского сообщества, так и нынешнего руководства МСПС.

Пикантность ситуации ещё и в том, что не так давно 80-летний председатель Союза писателей России Валерий Ганичев публично заявил о том, что в числе своих преемников он видит всё того же г-на Переверзина. Если так дело пойдёт и дальше, то не исключено, что скоро на Комсомольском проспекте, 13, мы увидим новую “малину”.

Прочитав это, я тут же позвонил Ганичеву, который был возмущён до глубины души:

– Огрызко профессиональный провокатор и сплетник, – заявил мне по телефону Валерий Николаевич. – Я ничего публично ни о каком своём преемнике не заявлял, я говорил лишь, что вопрос о руководстве Союза писателей России будет решаться осенью делегатами нашего писательского съезда...

Ну разве Огрызко вместе с Паниным – не представители жёлтой прессы, хотя многие писатели не соглашались со мной, почему-то называя его “голубым журналистом”. Впрочем, как говорится, “на вкус и цвет товарищей нет”.

Во время своей работы в “Лит. России” Огрызко набивался в друзья-товарищи или даже в покровители к Юрию Кузнецову. Но, насколько мне известно, Кузнецов, проработавший в “Нашем современнике” с 1997 года до самой своей смерти в 2003 году и напечатавший все свои произведения, написанные в эти 7 лет только в родном журнале, не оставил в своём творческом наследии ни одной строчки о “жовто-блакитном” (да простят меня украинцы!) журналисте, прилипавшем к нему. А Станиславу Куняеву, чьё имя так шельмуется сегодня в огрызкинской “Лит. России”, Кузнецов посвятил стихотворение, в котором присвоил ему звание “лейтенанта третьей мировой”. Оно начинается так:

*Жизнь прошла. А значит, будь спокоен,
В общей битве с многоликим злом
Ты владел нерукотворным боем —
Ты сражался духом и стихом.*

Вечная память тебе, Юра, ты уже обитаешь в раю, который каким-то чудом изобразил в поэме о Христе, напечатанной в твоём любимом журнале. Твоя душа встречается с душами Рубцова, Кожинова, Передреева, а я до сих пор сражаюсь “духом и стихом” с мелкими бесами, один из которых так подобоострастно отирался около тебя. А Вадиму ты посвятил целых пять стихотворений – одно глубже другого. Но этот бесёныш, исходящий чёрной злобой к Кожинову, не способен понять их, хотя и притворяется писателем.

* * *

Мало того, что огрызочная “Лит. Россия” постоянно облаивает из-под своей подворотни и треплет имена С. Михалкова, Н. Рубцова, В. Кожинова, Ю. Селезнёва, В. Ганичева, И. Переверзина, О. Михайлова, В. Крупина, Ст. Куняева, Вл. Кострова и многих других писателей. Недавно жёлтая газетёнка замахнулась даже на святое для России имя Александра Пушкина. Два года тому назад (04.03.2011) Огрызко опубликовал на страницах своей газеты якобы поэму о Пушкине под названием “Александр и Александра”. Автором был якобы тоже поэт Игорь, но не Панин, а Кохановский, известный как песенный текстник и якобы друг Высоцкого. Поэма повествует о якобы существовавшей сексуальной связи Пушкина со старшей сестрой его жены

Александриной и о том, что автором “диплома ордена роконосцев” и грязных писем, которые получил в конце 1836 года поэт и которые стали причиной его дуэли и смерти, был... сам Пушкин. Эта грязная сплетня, корни которой тянутся из XIX века, в наше подлое перестроечное время расцвела пышным цветом под перьями пошляков из “Московского комсомольца”, “Искусства кино”, “Парламентской газеты”. Но всех их: и академика Н. Петракова, и неких А. Королёва с В. Козаровецким – переплюнули Огрызко с Кохановским. С развязной рифмованной графоманской пошлостью последний сообщает нам, что Александрина **“знала, что сестра не безупречна перед мужем”**, что Пушкин **“сочинит и разошлёт семь пасквилей – дипломов мерзких о нём самом, что, в свой черёд, предлог для поединка веский”**, что он сам “посвятил в свой дерзкий план любимую Александрину”. Но “апогеем” бесстыдства является финал “поэмы” о том, что **“поэту верность – свой обет – несла в душе Александра, и лишь спустя 15 лет обет прервал другой мужчина, печаль коснулась брачных уз, когда пикантностью неместной всплыла недевственность невесты, но как-то сгладился конфуз”**.

Всё знают Кохановский с Огрызкой, как будто оба соглядателя в замочную скважину подглядывали и за сёстрами Гончаровыми, и за Пушкиным, как будто ночевали в их спальнях. Когда знаменитый своими глубочайшими знаниями жизни Пушкина, своим толкованием пушкинских текстов и своей научной честностью мой однокашник по МГУ Валентин Семёнович Непомнящий с омерзением прочитал кохановско-огрызковскую стряпню, то прислал в редакцию “Нашего современника” негодующее письмо, в котором писал: **“Известно: получив анонимку, Пушкин решил, что это затея Луи Геккерена, “приёмного отца” и сожителя Дантеса <...> известно далее: в свете обвиняли в этом грязном деле и кн. П. Долгорукова, и кн. И. Гагарина, и министра К. Нессельроде, и министра С. Уварова; одним словом, тень пала на многих. Само собой разумеется: давая получению “диплома” огласку, Пушкин не мог не предвидеть подобных последствий. А это значит: если – по указанной версии – Пушкин сам фабрикует мерзкий пасквиль, где, называя себя роконосцем, обливает грязью свою жену специально для того, чтобы сделанную мерзость приписать другому или другим. Подобное во все времена – включая и пушкинское, и исторически ещё недавнее, – называлось подлостью. Конечно, Пушкин, как и все мы, был человек грешный, что сознавал и в чём нередко раскаивался. <...> Но никто из знавших его, включая недругов, – никто, нигде и никогда не обвинял и не заподозрил поэта в каком-либо низком поступке. Подлецом Пушкин предстаёт только в наше время, в названной версии, стоящей на том, что подлость была ему “выгодна” <...> В историю с пасквилом, порочащим Наталью Пушкину, вписывают её сестру Александру, предстающую такой же бессовестной тварью, как и сам поэт. <...> Пушкин предстаёт, сверх всего, ещё и беспросто тупым циником <...> Мы имеем дело с явлением эпохи конца человеческой культуры – эпохи, в которую России, родине Пушкина, вступать тошно.**

Вот что я могу сказать о современной, как глянцевый журнал, версии нравственного облика величайшего русского поэта. Верю, что она не оболванит читателей – тех, для кого ещё внятно человеческое и белое отличимо от чёрного. Надеюсь, они поймут: то, в чём стараются убедить творцы версии о Пушкине-подлеце, есть факт биографии самих этих людей”...

Непомнящий прав. Видимо, дьявольский план всех этих паниных, кузьминских, кохановских и огрызков заключается в том, чтобы сформировать в читающем обществе убеждение, будто бы Александр Пушкин – “подлец”, Александрина Гончарова – “бессовестная тварь”, Николай Рубцов – “алкоголик”, что все они виноваты в собственной смерти, а пострадавшими от их сумасбродства являются Дантес с Геккереном да Людмила Дербина.

Этих людей, грязно извращающих судьбу и жизнь Пушкина, вполне уместно назвать хлестким словом “извращенцы” и относиться к ним с таким же презрением, с каким Пушкин относился к педерастической парочке Геккерену и его, по словам Пушкина, “так называемому сыну”, чьи имена до скончания времён будут носить на себе печать позора. Странно, что столь позорная “слава” так притягательна для сплетников из “Литературной России”.

В конце прошлого года я встретился с фотохудожником и летописцем российской писательской жизни, автором знаменитого “Русского альбома”, действительным членом Петровской академии наук и искусств Анатолием Пантелеевым. Он приехал из Питера в Москву, чтобы побывать на моём юбилее. Но не только за этим.

Возмущённый постоянным шельмованием со стороны Огрызки многих славных писательских имён России, Пантелеев, прежде чем побывать на моём юбилее, сначала приехал на Цветной бульвар, нашёл дом № 32, строение 3, прошёл по коридору первого этажа до кабинета главного редактора. Зашёл, молча сел в кресло перед его столом. Огрызко засуетился, заказал чаю, что-то говорил об изданных им книгах, совал Пантелееву эти книги... Пантелеев молча выслушал его подобоострастную болтовню, а потом кратко, но весомо изложил Огрызке всё, что он думает о его грязных сочинениях, касающихся многих достойных писателей. Огрызко что-то заверещал, что он должен обо всех сказать правду, какая бы горькая она ни была, но Пантелеев встал, чуть-чуть перегнулся через стол и дал ему по толстой физиономии даже не пощёчину, а врезал-таки по-настоящему, по-мужски... Огрызко стал вылезать из-за стола, но Пантелеев остудил его пыл, плеснув остатки чая из кружки на искажённое злобой лицо, повернулся и вышел из кабинета.

Рассказывая об этом мне, Пантелеев поблагодарил меня, подчеркнув, что такому способу заступничества за честь своих друзей он научился у меня. Да, в молодости я, действительно, не раз именно так рассчитывался с подлецами и клеветниками. Думаю, что эта затрещина, полученная, говоря словами Валентина Непомнящего, “подлецом”, – не последняя в его жизни.